

«Мы не заинтересованы, чтобы все ходили в музей»

Директор Государственного Эрмитажа дал эксклюзивное интервью «Областной газете»

Наталья ШАДРИНА

На юбилейные события Екатеринбургского музея изобразительных искусств в столицу Урала прибыл директор Государственного Эрмитажа Михаил ПИОТРОВСКИЙ. В интервью нашему изданию он рассказал, почему система центров-спутников Эрмитажа далека от колониальной модели, как очертить границу между ИИ, цифрой и традиционным форматом и какие решения считает главными за почти 35 лет руководства самым большим музеем страны.

«Присутствие Эрмитажа создает новое качество музейного дела»

— Михаил Борисович, мы находимся в Центре «Эрмитаж – Урал», который за пять лет стал одним из любимых музеев свердловчан. Оцените его деятельность за прошедшее время?

— Во-первых, это большой успех. В том числе идеологический, потому что Свердловск – город, куда сотрудники и экспонаты нашего музея были эвакуированы в войну, и это святое для нас место. Возникновение Центра «Эрмитаж – Урал» – в том числе увековечивание памяти. Во-вторых, нужно сказать о даре, сделанном Эрмитажем Свердловской картинной галерее после войны, поскольку теперь все эти произведения сконцентрированы в отдельной галерее, что не может не радовать нас. И в-третьих, обсуждая работу Центра «Эрмитаж – Урал», мы говорим о воплощении нашей музейной стратегии, благодаря которой Эрмитаж присутствует далеко за пределами Санкт-Петербурга.

За пять лет в Центре «Эрмитаж – Урал» с екатеринбургскими коллегами мы провели замечательные выставки. И в каждом случае – это был показ не вещей из Эрмитажа, а самого Эрмитажа. Ведь Государственный Эрмитаж – это тоже не собрание вещей, а рассказ. Рассказ про великое мировое искусство, рассказ про русскую историю, рассказ про Екатерину Великую, рассказ о блокаде... Этого определения мы придерживаемся в работе с нашими центрами-спутниками.

— Как руководитель самого крупного российского музея считаете ли необходимым дальнейшее развитие музейной сети, куда входят и спутники Эрмитажа?

— Безусловно. Наша политика в этом вопросе носит название «Большой Эрмитаж». Мы понимаем, что присутствие Эрмитажа за пределами Санкт-Петербурга помогает развитию музейного дела в разных центрах нашей страны, создавая новое ка-



ПОЛИНА ЗИНОВЬЕВА

чество. Об этом на Ученом совете говорил директор Екатеринбургского музея изобразительных искусств Никита Корытин, и для нас это важные слова. Да, без нашего присутствия все это тоже можно было бы сделать, но понадобилось бы больше усилий и времени. И если музеям страны Эрмитаж нужен, значит, мы готовы продолжать.

— Как сделать так, чтобы ваши региональные коллеги понимали, что вы находитесь в позиции партнеров, а не «старшего и младшего брата»?

— Отвечу на примере Екатеринбург. «Эрмитаж – Урал» – ни в коем случае не наш филиал, не колониальная схема, это наше совместное предприятие с Екатеринбургским музеем изобразительных искусств. Все расходы здесь несет наш партнер, кроме тех, что мы тратим на приготовление выставок. В этом подходе мы категорически отличаемся от всего, что делают другие музеи в России. Это очень правильная, современная схема, которая позволяет нам быть гибкими. Грубо говоря, она работает до тех пор, пока мы все хотим друг друга. Как только ситуация меняется, мы можем разойтись без всяких проблем. У нас был прекрасный, очень успешный эрмитажный центр в Амстердаме. Но случилось то, что случилось, и политически совместную работу продолжать было нельзя. А поскольку все было построено грамотно, мы разошлись, хоть и со слезами грусти, но без особых проблем. И в случае с Амстердамом, и в случае с Екатеринбургом это абсолютно равное партнерство.

Благодаря этому подходу мы гордимся тем, что одновременно у нас открываются выставки в Николаевском зале, Манеже, экспозиции в Фондохранилище Эр-

митажа в Старой Деревне, выставка в эрмитажных центрах-спутниках в Оренбурге и в Екатеринбурге. Это новое слово в музейной жизни. И мы рады, что в мире уже есть те, кто следует за нами, а не по старинке создает филиалы. Среди позитивных примеров – Лувр Абу-Даби, который очень успешно работает, у истоков которого стоял и я тоже.

«Без обид, но музей должен быть выше досуга»

— В рамках юбилейных мероприятий ЕМИИ собрали президиум Союза музеев России, провели большой Ученый совет с участием руководителей музеев России. Везде спикеры возвращаются к вопросу о роли музея сегодня. Как вам кажется, музеи переживают некую трансформацию?

— О роли музея совсем недавно мы представили целый манифест. Нам действительно стало казаться, что музеи становятся слишком досуговыми учреждениями. Стати, как и библиотеки. Но библиотекам это, может быть, необходимо, а музею нужно быть очень осторожным. Наши основные функции – воспитательная и образовательная. И вот их мы должны сохранять.

По поводу досуга, без обид, но музей должен быть чуть выше этого. И на Ученом совете Никита Корытин как раз правильно об этом говорил. Он сказал, что музей не может конкурировать, например, с кинотеатром. Это разные вещи. Нам надо сохранять специфику музейной жизни.

Если мы говорим о трансформации в связи с мультимедиа, искусственным интеллектом, то надо знать, где граница. Должны ли мы трансформироваться в мультимедийный центр? Нет. Равно как и в торговый центр. Это не

так просто, потому что всегда есть соблазны.

Главная моя задача как директора Эрмитажа была сохранить дух XIX века – с теми самыми окнами и прочим. Но я не говорю, что мы не должны быть современными. Я уже сказал про программу «Большой Эрмитаж», так вот у нас есть еще и «Небесный Эрмитаж», благодаря которому любой может совершить виртуальный визит к нам, посмотреть NFT-выставки. Я сам буквально вчера изучал наши громадные выставки портретов в виртуальном формате.

— Тогда почему в эпоху цифры человеку до сих пор важно переступить порог музея?

— Мое мнение – это важно и важно далеко не каждому человеку. Некоторым достаточно виртуального визита. Но те, кто придут лично, получают дополнительную информацию и дополнительные эмоции. Поверьте, мы не заинтересованы, чтобы все на свете ходило в музей. Нам важно, чтобы большая часть людей понимала, как это хорошо.

«Нас осуждали за вывоз авангарда за границу. Сейчас всё в стране, но ажиотажа нет»

— На Ученом совете Никите Корытину задали вопрос: «Как изменился вкус посетителей?» Он сходу ответить не смог. А вы?

— Никита Николаевич правильно сделал, что не стал отвечать, выявив эту тенденцию очень сложно, если вообще возможно. Мы всегда говорим об очень разных категориях посетителей. Кто-то ходит в Эрмитаж просто потому, что там много золота и красиво, кому-то хочется послушать экскурсию и не более, кто-то слишком образо-

ванный обязательно придерется к чему-нибудь, ему всегда будет чего-то не хватать. Китайцам, например, совершенно непонятна христианская мифология. Есть христиане, которые максимально далеки от китайской или исламской культур.

Мы с Никитой Корытиным вспоминали, как нас осуждали, что вывозим авангард за границу. Ну вот сейчас все у нас в стране, открыто, но ажиотажа нет. При этом люди с удовольствием идут на резной камень. Все разные, и ориентироваться на вкус невозможно. При этом я не могу не отметить спрос на выставки русского искусства. Зрители толпами ходят на Серова-Васнецова, которых видели тысячу раз. Им хочется посмотреть свое искусство. И раньше такого не было.

«Магазина может не быть. Но неповторимый образ музея – обязательно»

— Несколько лет назад в интервью вы сказали, что у каждого успешного музея должен быть свой неповторимый образ. Из чего для вас складывается образ Екатеринбургского музея изобразительных искусств?

— Это замечательные коллекции, в том числе собрание авангарда. Это каслинское литье, и именно в зале, где находится Каслинский чугунный павильон, мы несколько лет назад заключили соглашение о создании Центра «Эрмитаж – Урал». Это резной камень. Этот набор делает ваш музей уникальным. Я часто слышу упреки, что в каких-то музеях нет кафе или магазина, но считаю, что этого может не быть, гораздо важнее неповторимый образ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

— Михаил Борисович, последний вопрос о вашем руководстве громадным музеем. Вы заступили на должность директора в 1992-м, а в этот год только родилась, и понимаю, что это целая жизнь. Оглядываясь, какие решения назовете главными?

— Решений разных было много, понятно. Но за это время было, по крайней мере, пять крутых наездов на Эрмитаж, которые мы отбили. Последний совсем недавно. Эрмитаж – место, которое многих раздражает. Кому-то хочется его поставить на место, кому-то захватить, кому-то воспользоваться... Я и пришел в очень кризисный момент, когда вообще не было понятно, что в музее будет дальше. Но каждый раз я принимал набор решений, который оказывался правильным и который позволял Эрмитажу быть таким, каким его знают сегодня.

